

□ Мировой кризис 1: рукотворная экосистема

□ Не оставляет ощущение, что наблюдаемая турбулентность и циничность текущих политических сценариев – предвещание острой фазы кризиса. Предчувствие больших событий вынудило отложить на время цикл «Эволюционный формализм» и переключиться на «Мировой кризис», поскольку вполне возможно, что после зимы тема утратит актуальность, будучи отчасти отыгранной.

Основных вопросов три: 1) коллапс текущей системы товарного обмена и возможный механизм ее обрушения, 2) неизбежность реформирования системы, 3) формат системы после перезагрузки.

Получить ответы без анализа динамики системы невозможно. Поэтому начнем с эволюции. Анализ оснований эволюции системы позволит визуализировать присущие ей свойства с неожиданного и содержательного ракурса.

Фермент обменных процессов

В безденежной экономике главной характеристикой товара была заключенная в нем «потребительская ценность». Товарный обмен мог состояться только в случае, если его потенциальные участники субъекты А и В образовывали пару, отвечающую условиям комплементарности: 1) субъект А желает потребительскую ценность В, 2) субъект В желает потребительскую ценность А, 3) товары А и В обладают сопоставимой потребительской ценностью. Поиск продавцом-покупателем комплементарной ему пары требовал больших затрат энергии. Отягощенный столь энергоемким условием, натуральный обмен был крайне затруднен. Соответственно, объемы его оставались мизерными.

Деньги возникли как всеобщая мера потребительских ценностей, трансформирующая их в стоимости. Стоимость, в отличие от ценности, качество не уникальное, а всеобщее, универсальное. Вот почему использование денег позволило превратить обмен в банальную техническую операцию товар–деньги–товар. Деньги, убрав комплементарность в качестве необходимого условия обмена, оказались тем волшебным ферментом, который на порядки повысил интенсивность обменных процессов.

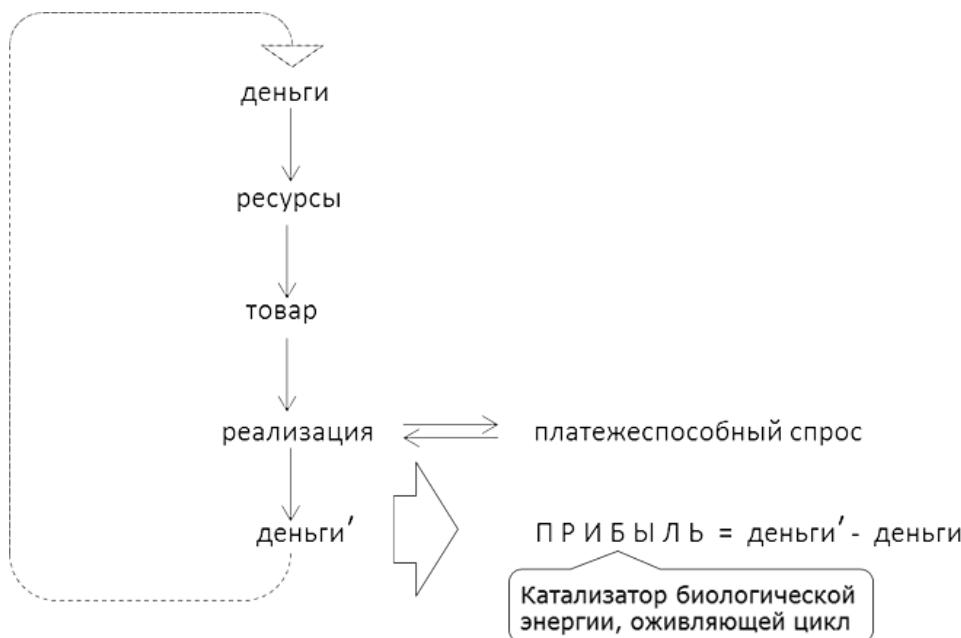
Если обратиться к механизму катализа химических реакций, станет очевидным, что аналогия с ферментом здесь буквальная. Стандартный механизм катализа двухтактный: 1) сначала фермент разрывает устойчивые молекулярные связи в одном из реагентов, образуя с ним непрочную связь, 2) затем второй реагент без значимых затрат энергии замещает катализатор в промежуточном соединении, превращая его в конечный продукт реакции. Товарообмен между субъектами А и В с посредничеством денег протекает аналогично тому, как катализируемая химическая реакция. Сначала деньги замещают товар в исходном «соединении» субъектА–товарА, образуя менее прочную промежуточную связь субъектА–деньги. Затем в ней деньги без значимых энергетических затрат замещаются товаромВ. В итоге образуется конечный продукт реакции обмена субъектА–товарВ. В качестве фермента товарообменных процессов деньги оказались исключительно эффективными: в любой области социума, где растет их концентрация, товарный обмен существенно интенсифицируется.

У денег есть неприятные побочные свойства, которые, тем не менее, оказались крайне важными для развития системы товарного производства и обмена – деньги стимулируют проявления алчности, эгоизма и честолюбия. Деньги, если не противопоставить им моральное табуирование, оцифровывают в стоимость все, что имеет хоть малейшую потребительскую ценность, в том числе любовь, преступление, предательство, войну и т.д. Данные утверждения не фигура речи. Ученые из Йельского университета научили пользоваться деньгами стаю капуцинов и обучили ее оплачиваемому «труду», весьма тяжелому. Заработанные деньги капуцины могли потратить на фрукты и газировку. Первое, что отметили экспериментаторы, у обезьян тут же проявились черты характера, которые не были заметны ранее – жадность, жестокость и ярость в отстаивании своих денег, подозрительность друг к другу. Довольно быстро обезьянье сообщество расслоилось на те же типы личности, что есть в человеческой стае: появились трудоголики, лодыри, бандиты и накопители. Вскоре было

совершено и первое ограбление «банка», из которого люди доставали деньги для оплаты обезьяньего труда. [Подробнее здесь.](#)

Товарный цикл

Облегчение обмена сделало целесообразным массовое товарное производство. Всегда и везде оно реализовано в виде товарных циклов, которые проанализировал в труде «Капитал» Карл Маркс:

Все товарные циклы производят один и тот же продукт – прибыль. Товарная продукция и способы организации производства вторичны, главное – произвести прибыли. Прибыль будоражит биологические инстинкты владельца цикла – алчность, честолюбие, жажду сулимых ею наслаждений. Возбуждаемый инстинктами, владелец заряжает цикл биологической энергией. Мощностью заряда определяется жизненный тонус цикла. Вот почему прибыль следует рассматривать как производный от денег фермент, заряжающий товарные циклы биологической энергией.

Самые элементарные товары, которые в состоянии сгенерировать любой субъект товарных отношений – труд и услуга. Как простейшие из товаров, они продаются с минимальной добавленной стоимостью, за исключением квалифицированного труда и дефицитных услуг. Затрачивая ресурсы на образование, квалификацию, эксклюзивные навыки, вы в буквальном смысле вкладываетесь в капитализацию, свою и детей. Высокая квалификация и эксклюзивные навыки – необходимое, но недостаточное условие будущих прибылей. Надо еще найти спрос и обменять его на навыки.

В упомянутом выше опыте обезьяны не смогли произвести никакого иного товара, кроме элементарного физического труда, пользовавшегося внешним спросом со стороны экспериментаторов, и услуг, нашедших внутренний спрос внутри стаи. «Трудящиеся» служили источником поступления твердой «валюты» от людей в обезьянье сообщество. За нее капуцины «импортировали» интересующие их товары из человеческого социума. А вот в качестве востребованной внутренней услуги была освоена проституция. Самки быстро сообразили, что любовь можно продавать, а самцы, что ее можно купить, к их общему на то удовольствию.

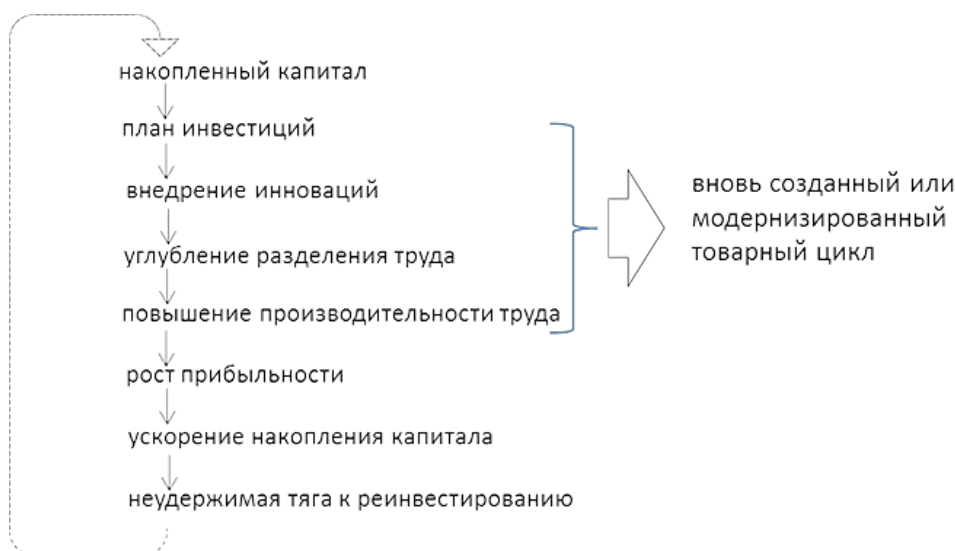
Вернемся к товарным циклам. Все они «питаются» платежеспособным спросом. Как для живого организма главный риск – нехватка пищи, так для товарных циклов главный риск – дефицит спроса: нет пищи – и жизнь уходит из организма, нет спроса – умирает товарный цикл. В процессе «поедания» спроса происходит обмен товара на деньги?. Это позволяет замкнуть жизненный такт цикла: произвести прибыль и получить деньги, необходимые для реализации следующего

жизненного такта.

При дефиците спроса циклы замедляются, худеют и мрут. За него, как и за пищу, идет постоянная ожесточенная схватка, которая служит причиной и стимулом для внедрения инноваций – усовершенствования и улучшения продукции, завлекающей спрос в «пасть» цикла. Если, конечно, конкуренция не заканчивается монополизацией доступа к спросу, к чему владельцы циклов непроизвольно стремятся, ведомые биологическими инстинктами: монополизация означает максимальную прибыль, гарантию доступа к пище, соответственно, выживания. Как говаривал один известный любитель монополий: «Конкуренция – это грех».

Капитал как катализатор развития

Когда наступает предел, за которым владелец уже не в состоянии потратить всю производимую циклом прибыль, она накапливается в капитал. Капитал взывает к демонам алчности и честолюбия, требующим его приумножения. Тем самым он катализирует собственное размножение, которое осуществляется посредством инвестиционных циклов:

Формально, продуктом инвестиционного цикла является новый товарный цикл, тогда как фактически в нем создается очередная машинка для производства капитала. Истинная цель капитала, инициирующего инвестиционный цикл – запустить автокаталитический процесс собственного расширенного воспроизводства. Необходимым приложением к капиталу является капиталист-инвестор: свободный неприкаянный капитал тонизирует его биологические инстинкты, которые в свою очередь оживляют капитал.

Жажда прибыли и конкуренция подталкивают инвестора к снижению будущих производственных затрат. По содержанию деятельности он подобен животноводу, занимающемуся разведением товарных циклов, селекцией и улучшением их «породы». Главная цель селекции – повышение годовых «удоев» прибыли на единицу вложенного капитала. Такое вот абиологичное сельское хозяйство.

Разделение труда и рождение сложности

Снижение производственных затрат достигается прежде всего за счет совершенствования технологических процессов и углубления разделения труда, повышающего его производительность.

Углубляя разделение труда, товарные циклы проявляют не свойственный им альтруизм. Так, например, продавец хлеба мог бы присвоить все вырученные деньги, если бы занялся еще и его производством. Однако он предпочитает делиться с хлебопекарней. В свою очередь, хлебопекарня могла бы присвоить всю выручку за выпечку хлеба, если бы занималась

выращиванием зерна и его помолом, однако предпочитает делиться с крестьянами. И т.д. по цепочке. Получается, что товарные циклы делятся друг с другом базовым пищевым ресурсом – спросом. Никакого парадокса в этом нет: во-первых, данный процесс энергетически целесообразен, поскольку «альтруизм» окупается за счет облегчения, ускорения и повышения качества переработки спроса, во-вторых, организованная группа, сплоченная общим разделением труда, безусловно выдавит с рынка жадных одиночников, подмяв под себе их спрос.

Разделение труда приводит к появлению промежуточного спроса на непотребительские промышленные товары, который возникает между циклами, связанными единой производственной цепочкой. Углубляя разделение труда, циклы постепенно формируют из спроса все более сложные и разветвленные пищевые цепочки. Следует понимать, что все они опираются на базовый пищевой ресурс – потребительский спрос.

На фундаменте все того же спроса на хлеб сложились в итоге сложнейшие пищевые цепочки. В них входят: добыча руды, угля, горнообогатительные, сталеплавильные, металлообрабатывающие производства, машиностроение, добыча удобрений и нефти, производство удобрений, нефтепродуктов, выращивание зерна, закупочное и складское производство, помол, выпечка и собственно реализация хлеба. За скобками остались: транспортная инфраструктура, электротехническое производство, электрогенерация, электросети, а также сложнейшая цепочка производств, обеспечивающих программное автоматизированное управление перечисленными товарными циклами. Такой вот сложносочиненный монстр кормится обычным потребительским спросом на хлеб.

Итак, прибыль и капитал, взывая к собственному приумножению, тем самым катализируют не только постоянное усовершенствование товаров технологий: в процессе эволюции товарной экосистемы растет и ее сложность в целом, вследствие углубления разделения труда (здесь экосистема читается как экономическая система).

Встроенный порок системы

Главное свойство товарной экосистемы в том, что она автокаталитическая: капитал инициирует и поддерживает ее жизнь в целях собственного расширенного воспроизводства. Автокаталитическая система относится к категории систем с положительной обратной связью: расширенное воспроизводство катализатора приводит к лавинообразному нарастанию его объемов и скорости реакции. Безусловным положительным фактором является рост в каждом инвестиционном цикле технологического совершенства товаров и производства.

Основная проблема товарной экосистемы в том, что источник ее биологической энергии – капиталист – озабочен воспроизводством личного капитала, а не общего пищевого ресурса – спроса, вследствие чего темпы приумножения капитала опережает воспроизводство спроса. По этой причине рано или поздно развитие системы упирается в пищевое ограничение – дефицит потребительского спроса. Тогда наступает ее отравление избыточным капиталом, накапливающимся и мечущимся в поиске свободных инвестиционных ниш.

Нарастить потребительский спрос вполне можно было бы, увеличив фонд заработной платы, тем самым одновременно уменьшив прибыль и темп накопления капитала. Но сделать это не позволяют алчность и конкуренция («жадные» капиталисты, кратковременно демпингуя, убьют «добреньких»). Более того, конкуренция приводит к обратному эффекту: стимулируя постоянный рост производительности труда, она снижает потребность в рабочей силе, что сжимает платежеспособный потребительский спрос. Тем самым она ускоряет приближение к кризису.

Кризисы перепроизводства капитала, соответственно дефицита свободных инвестиционных ниш (инвестиционной недостаточности) для системы не новы. Естественен вопрос: почему же ранее их разрешение не требовало кардинального реформирования системы? Ответ на него в одной из будущих частей «Мирового кризиса». Собственно, это и есть главный вопрос цикла.

Жизнь в параллельных экосистемах

Человек создал рукотворную товарную экосистему, параллельную биологической. Выживание в ней энергетически менее затратно, соответственно более гарантировано, чем в биологической: из сложной многопараметрической задачи поиска

множества необходимых для выживания ресурсов, задача свелась к однопараметрической – наполнение и сохранение своего кошелька. Как заметил [Волк Ларсен](#): «В наше время человек устроен так, что его жизнеспособность определяется содержанием его кошелька. Кто крадёт кошелёк, крадёт моё право на жизнь». Повинуясь биовыживательным инстинктам, человек с радостью нырнул в товарную экосистему. И она не подвела – решила, в конце концов, важнейшую задачу гарантированного ресурсного обеспечения его выживания.

Две экосистемы – товарная и биологическая – во многом подобны. Подобны и процессы их эволюции. Уровень, занимаемый в биологической экосистеме организмами, в рукотворной экосистеме представлен товарными циклами. Инстинкты алчности, честолюбия и тяга к удовольствиям, постоянно возбуждаемые прибылью и капиталом, вдыхают в товарные циклы биологическую энергию. Ее Волк Ларсен называл жизненной закваской, которая бродит. В процессе брожения: «Большие пожирают малых, чтобы поддержать свое брожение. Сильные пожирают слабых, чтобы сохранить свою силу. Кому везет, тот ест больше и бродит дольше других, – вот и все»!

В товарной экосистеме, как и в биологической, наиболее ожесточенная конкуренция внутривидовая – между циклами, занимающими одну экологическую нишу, т.е. питающимися однотипным платежеспособным спросом.

Подобно биологическим организмам товарные циклы формируют сложные пищевые цепочки на фундаменте базового пищевого ресурса, складывающиеся в итоге в единую пищевую пирамиду.

Если углубляться далее, то уровень подобия экосистем поразителен в массе нюансов и процессов, но это тема отдельного обсуждения.

Резюме

Своим возникновением товарная экосистема обязана появлению денег – фермента обменных процессов в социуме. Побуждение новой экосистемы к эволюции обеспечили два мощнейших катализатора биологической энергии – прибыль и капитал.

Прибыль – катализатор, производный непосредственно от денег. Является вожаком товарных циклов, тем ферментом, который возбуждает инстинкты капиталиста, вдыхающие в циклы жизнь.

Капитал – катализатор, производный от накапливающейся прибыли, катализирующий собственное расширенное воспроизводство. Называется данный процесс автокатализом. Осуществляется автокатализ капитала через инвестиционные циклы, множащие новые товарные циклы, воспроизводящие новый капитал. Попутно капитал катализирует технологические инновации и усложнение системы в целом.

Поскольку воспроизводство спроса отстает от расширенного воспроизводства капитала, товарная экосистема периодически упирается в проблему его перепроизводства. Избыток агрессивной субстанции, страдающей от дефицита свободных инвестиционных ниш, отравляет товарную систему, ввергая ее в кризисы.

Октябрь 2014

□